УДК 008.001

ЦВЕТ ВРЕМЕНИ: СОВЕТСКОЕ ЗЕЛЁНОЕ

О. В. Шабурова

Москва, Россия, shaburovaov@mail.ru

Обращение к анализу политики цвета позволяет выявить новые исследовательские возможности в понимании советского. Современные подходы к изучению символических ресурсов цвета и его смысловая эволюция в европейской истории дают успешный пример такого рода. Прежде всего это работы М. Пастуро, к которым мы обращаемся. Советское зеленое и его анализ расширяют социальную палитру этого времени, позволяют рассмотреть некоторые социальные практики в аспекте политики цвета. Так, мы рассматриваем феномен зеленого строительства/озеленения как важную социальную стратегию, вбирающую в себя ритуальные практики и интересные пространственные разметки. Выявляем милитарную составляющую в советском зеленом. Важнейшей социальной маркировкой через зеленый цвет становится представление власти — мы говорит о зеленом казенном/бюрократическом. Особое значение приобретают символизации зеленого в общественных и частных пространствах, здесь мы обращаемся к функциональному и символическому разнообразию зеленого, рассматриваем эволюцию зеленого в пространстве советского мира. Важным является погружение в повседневные практики — здесь зеленое встроено в саму материю советской жизни, в быт, мы иллюстрируем это через обращение к предметному ряду (посуда). Эволюция (распад) базовых советских смыслов проявляется в изменении цветовой символики и зеленый, как важный социальный маркер, демонстрирует нам эти процессы.

Ключевые слова: советское, история зеленого, зеленое строительство/озеленение, зеленое в социальном дизайне, зеленое милитари, зеленое казенное/бюрократическое, зеленое в общественном и частном пространствах, политика цвета.

TIME COLOR: SOVIET GREEN

O. V. Shaburova

Moscow, Russia, shaburovaov@mail.ru

Appeal to colour policy analysis reveals new research opportunities in understanding the Soviet life. Modern approaches to the study of symbolic resources of colour and it's semantic evolution in European history can provide a successful example of this type. First of all, these are the works of M. Pasturo we appeal to. Soviet green colour and its analysis expand the social palette of that time and allow us to consider some social practices in the aspect of colour policy. Thereby, we see the phenomenon of green construction/greening as an important social strategy that integrates ritual practices and interesting spatial layouts. We are engaged in identifying the military component in the Soviet green colour. The most important social labeling in terms of green colour is the representation of power — we are talking about formal/bureaucratic green colour. The symbolization of green colour in public and private spaces are particularly important in this respect, here we appeal to the functional and symbolical diversity of green colour, we see the evolution of green colour in the context of the Soviet world. An important factor is immersion in everyday practices — here the green colour is an essential part of life of Soviet people and everyday life, we illustrate this through addressing the subject series (dishes). The evolution (decay) of basic Soviet symbols more evident in the change of colour symbols and green colour, being an important social marker, shows us these processes.

Key words: Soviet, history of green colour, green construction/greening, green colour in social design, green military, formal/bureaucratic green colour, green colour in public and private spaces, colour policy.

© Шабурова О. В., 2021

Ссылка для цитирования: Шабурова О. В. Цвет времени: советское зелёное // Labyrinth: теории и практики культуры. 2021. № 1. С. 38—50.

Citation Link: Shaburova, O. V. (2021) Cvet vremeni: sovetskoe zelyonoe [Time color: Soviet Green], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 1, pp. 38—50.

Когда мы говорим о политике цвета в советском мире, чаще всего слышим — безликий, бесцветный, серый-унылый. Это слишком общий, схематичный взгляд. Да, сочетание серого повседневного и красного праздничного (революционного) считываются практически сразу. Разговор, скажем, о поздравительных открытках позволяет увидеть объем и формы этих сочетаний [Шабурова, 2017]. Но были ведь и другие цвета советской жизни, другие цветовые маркеры в социальном дизайне советских пространств. Их смыслы и символика могут помочь полнее раскрыть специфику феномена советского. В книге «Советский мир в открытке» мы делали такую попытку — обращались к анализу голубого как цвета советской романтики, отразившего оттепельную атмосферу и ставшего выразителем формулы советской мечты [там же][1].

Сейчас мне кажется интересным и важным разговор о советском зелёном. Понятно, что вести разговор об этом цвете из настоящего дня невозможно без тех твердо закрепившихся значений, которые работают сегодня уже в логике идеологического дискурса. Так, М. Пастуро в своем исследовании зелёного убедительно показывает, как этот цвет проходил своеобразную эволюцию значений и стал сегодня тем, что однозначно считывается любым человеком европейской культуры (М. Пастуро, и мы вслед за ним, не берем здесь версии мусульманского мира). С эпохи романтизма зелёный стал цветом природы, а затем — цветом свободы, а теперь еще, как отмечает М. Пастуро, цветом здоровья, гигиены, спорта и экологии. И далее он говорит: «Его история в Западной Европе — отчасти история переоценки ценностей. Долгое время он был редким, нелюбимым или даже презираемым цветом, сегодня же ему поручена невыполнимая миссия — спасти планету» [Пастуро, 2018: 7].

Если брать основное современное значение зелёного — защита природы и всего живого — то такая тема в советском мире в повестке дня несомненно была. Она не имела политического оформления (партия зелёных и Грета Тумберг не могли присниться и в страшном сне), но экологическое воспитание осуществлялось. Мы все с детства были членами Всесоюзного общества охраны природы, — платили копеечки, клеили марочки и ругали мальчишек-безобразников, которые истоптали клумбу во дворе. А еще проводили Праздники птиц и делали скворечники.

Но важнее и интереснее была социальная практика, которая так и называлась — озеленение. От образа «города-сада» (версия советского рая) к реальным практикам создания зелёной среды были выстроены конкретные строительные мостики. Тема озеленения действительно относилась к области строительства и осуществлялась по четким правилам и нормам (гостам). Базовый текст по этой теме (понятно, что это большая зелёная книга) так и назывался «Озеленение советских городов», издан Государственным издательством литературы по строительству и архитектуре в 1954 году [Озеленение… , 1954]. Работа по проектированию и внедрению озеленения в благоустройство городов прямо так и называется — зелёное строительство: «Зелёное строительство стало в нашей стране делом большого государственного значения» [там же: 6]. Идеологическая отсылка (все, как положено) — подписанный Лениным в 1921 году государственный декрет об охране памятников природы, садов и парков. Книга систематизирует эти практики зелёного строительства, вводя четкую градацию парков, скверов, бульваров, набережных, жилых кварталов, озеленяемых промышленных зон и пр. Читая об отличии, например, сквера от бульвара, нам тогда невозможно было представить, что такие пространства советской жизни (сквер, парк и пр.) могут получить политическую смысловую нагрузку и войдут в наши дни в актуальную политическую повестку[2].

---

[1] См.: Гл. 3 «Голубые города: конструируя мечту».

[2] Сегодня «битва за сквер» может дать название новому сообществу или движению, как это было в Екатеринбурге, и однозначно вписать слово «сквер» или «пруд» в актуальнейшую политическую повестку. Или, например, «парк культуры» в современном осмыслении очень далеко уходит от образа зелёных дорожек и фонтанов, а становится ядром новой

Что для нас здесь интересно с точки зрения советской символизации зелёного? Прежде всего, само понятие «зелёное строительство». Это не какой-то там ландшафтный дизайн, который нынче востребован в пространствах частного домовладения. Это определенная государственная стратегия, которая способна вести проектирование зелёного строительства и его реализацию в масштабе всей страны и всех типов городов. Надо сказать, что сегодня такие попытки тоже осуществляются в московских проектах благоустройства — амбициозных и очень масштабных. Но термин «зелёное строительство», кажется, ушел, а вот понятие «озеленение» по-прежнему работает.

Во-вторых, очень интересный переход от прилагательного «зелёный» к глаголу «озеленять». Очевидно, что «озеленять» — это осуществлять конкретную и всем понятную деятельность. Попробуйте перевести в глагол название любого другого цвета — скажем «обелять», «очернять» — что получается? В данном примере видно, что это, конечно, не практическая деятельность, а какая-то область морально-риторических усилий и оценок.

И наконец, нам интересно, как в советских практиках озеленения рождается и укрепляется ритуальная составляющая. Часто акты озеленения наделяются какими-то дополнительными смыслами. Например, мемориальными.

Традиция закладки садов, парков, аллей в связи с каким-то событием и с целью его меморизации сложилась давно[3]. В советском обществе она особенно активно разворачивается после Великой Отечественной войны как практика создания мемориальных мест через озеленение (зелёное строительство). Множество парков и аллей создано в память о погибших воинах, о жертвах блокады, в память о встречах фронтовиков-однополчан и т. д. Среди самых известных — Мемориальная аллея памяти в Московском парке Победы в Санкт-Петербурге (создана к 60-летию снятия блокады), Аллея Славы в Москве в Парке Победы, в память о космических достижениях — Аллея Космонавтов в Москве. Такие мемориальные практики озеленения утверждались в качестве ритуала в советской жизни повсеместно — выпускники высаживали на память свою аллею в школьном саду, побратимские встречи городов/поселков тоже отмечались зелёными посадками и т. д. У политиков сложилась устойчивая традиция — до сих пор президенты во время своих «встреч на высшем уровне» дружно высаживают деревья, пытаясь символизировать этим что-то хорошее.

В теме советского «озеленения» есть еще один интересный сюжет, связанный с отношением к цветам. Цветы в советской повседневности становятся важным колористическим маркером, хоть как-то разрывающим монотонность и серость будней. Они символизируют праздник. Все советские праздники отмечены цветами и нагружены их символикой. От революционного символа (красная гвоздика и осенние листья в Октябрьский праздник) к Международному женскому дню (желтая мимоза), затем Первое сентября (гладиолус с астрами), красные розы на юбилей и т. д., — так закрепляется символический календарь жизни советских поколений.

политической метафоры, которую раскрывает М. Ямпольский в своем исследовании [Ямрольский, 2018].

[3] Одно свежее впечатление в эту тему. Часто проезжая по Ильинскому шоссе, только недавно заметила, что на старых липах вдоль дороги между Ильинским и Глухово появились какие-то маленькие грязные таблички. Каково было мое удивление, когда подобралась и прочитала: Аллея Славы, высаженная графом А. И. Остерманом-Толстым в 1818 году в память о воинах, погибших на Бородинском поле. Объект культурного наследия, охраняется государством. И номер на каждом дереве. То есть липам больше 200 лет. Липы живы, а вот память уже кажется нет. Уверена, что водители и пассажиры пролетающих здесь сотен машин, не знают о том, что значат эти деревья.

Ил. 1. Открытка, художник В. Коновалов. Изогиз, 1956

При этом цветы твердо стоят в первых рядах советского дефицита. Одной из форм преодоления такого дефицита становится включение «зелёного строительства» в индустриальные пространства. Помимо озеленения заводских территорий каждое приличное предприятие строит отдельный цех (он именуется и нумеруется именно как цех) — это заводская оранжерея. Производство цветов на заводе решает сразу несколько задач — поддерживает статус руководителей (оранжерею иметь на заводе престижно так же, как, например, иметь свою солидную хоккейную команду), готовит цветочную рассаду для города (особенно если это моногород — всё озеленение опять же лежит на заводе), украшает собственную территорию и помогает проводить свои праздники (награждать передовиков и юбиляров и пр.) (ил. 1).

В календарь советских праздников постепенно встраивается Праздник цветов, который как правило проходит ближе к концу лета. Часто он вписывается в День города (как это было в Свердловске) или приближается к началу учебного года в школах. Этот праздник подводит итоги садового лета и становится праздником всех советских «шестисоточников».

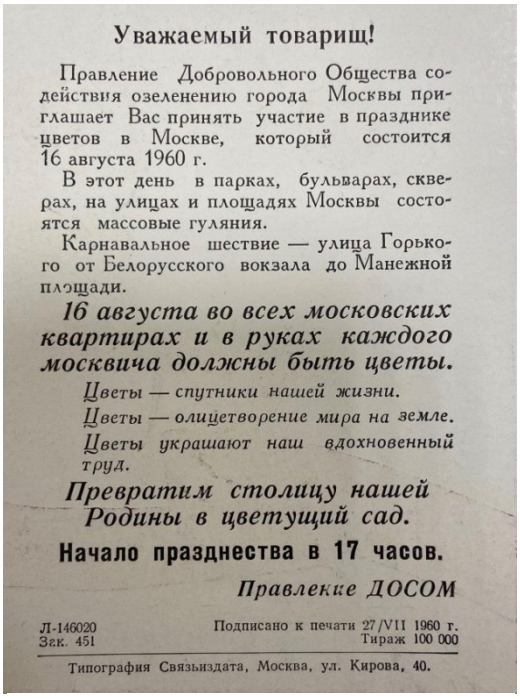
Сюжет про советское и цветы заслуживает отдельного разговора, но сейчас ограничусь обращением к одному интересному документу, который передает пафос и девизы советского озеленения. Это листовка, приглашающая москвичей на большой городской праздник цветов летом 1960 года. Массовое гуляние и карнавальное шествие по центру Москвы должно всех вовлечь в это радостное событие: «16 августа во всех московских квартирах и в руках каждого москвича должны быть цветы. Цветы — спутники нашей жизни. Цветы — олицетворение мира на земле. Цветы украшают наш вдохновенный труд. Превратим столицу нашей Родины в цветущий сад!» (ил. 2, 3).

Помимо живой зелени в советских пространствах было много декоративного и функционального зелёного. Порой кажется, что зелёным было всё — дома и заборы, поезда и электрички, люди и вещи.

Вглядываясь пристальнее, увидим важное разделение — зелёное вне своего дома (общественные пространства) и зелёное в частном пространстве, у себя дома. Эти маркеры зелёного выполняли разные задачи и даже порой спорили друг с другом, противостояли друг другу.

Так, общественное пространство, облаченное в зелёное, было в общем очень унылым, а зелёное здесь было чаще всего темным. Покрашенные зелёной краской стены в подъездах домов, в школах, больницах и других общественных местах. В 70-е годы появляются в огромных количествах зелёные дощатые заборы. Ими закрывают всё неприглядное, то, что не хотелось бы показывать. Такая маскировка под «живой» цвет. В Свердловске 70—80-х таким запоминающимся забором был отрезок при въезде в город со стороны Московского тракта. Таким образом закрыли

Ил. 2



Уважаемый товарищ!

Правление Добровольного Общества содействия озеленению города Москвы приглашает Вас принять участие в празднике цветов в Москве, который состоится 16 августа 1960 г.

В этот день в парках, бульварах, скверах, на улицах и площадях Москвы состоятся массовые гуляния.

Карнавальное шествие — улица Горького от Белорусского вокзала до Манежной площади.

16 августа во всех московских квартирах и в руках каждого москвича должны быть цветы.

Цветы — спутники нашей жизни.

Цветы — олицетворение мира на земле.

Цветы украшают наш вдохновенный труд.

Превратим столицу нашей Родины в цветущий сад.

Начало празднества в 17 часов.

Правление ДОСОМ

Л-146020 Подписано к печати 27/VII 1960 г.
Зак. 451 Тираж 100 000

Типография Связьиздата, Москва, ул. Кирова, 40.

Ил. 3

улицы цыганского поселка. Сейчас там тоже забор, но уже бетонно-серый, на века. Тогда даже называли руководителя области «волшебником изумрудного города». Сейчас трактовки этой шутки противоречивы, некоторые считают, что речь скорее идет об известном Малышевском изумрудном руднике. Но мне помнятся именно эти зелёные заборы.

Такое зелёное, покрывшее большую часть общественного пространства, можно назвать «казенным зелёным». И, конечно же, задаемся вопросом — почему именно зелёный цвет был повсюду? И именно такой зелёный — темный, порой грязноватый, как раз неживой? Было ли это идеологическим посланием и каким? Какую символическую нагрузку несли эти километры зелёного?

Версии ответа (а у нас нет однозначного ответа на этот вопрос) выводят нас не в область символического, а скорее в область материального, технологического. Ну про то, что «бытие определяет сознание». А бытие было бедное, послевоенное и позднее — застойно-дефицитное. Вряд ли какие-то художники-архитекторы решали, как им самовыразиться, что и чем красить. Просто это был самый доступный вариант. Этот зелёный, эта краска, были остатками военных запасов. И, кроме того, зелёная краска долго была самой дешевой и доступной. Двигаясь таким путем, мы оказываемся перед очень важной темой — связь зелёного цвета и военной тематики, символическая связь цвета и образа войны. Милитари зелёный для нашей истории XX века был очень привычным и повсеместным. Не будем углубляться в историю, скажем, русского мундира. Но к началу Великой Отечественной войны «краски» Советской армии были как раз такими. Зелёный цвет танков и другой военной техники, одежда военных — гимнастерки, плащ-палатки, пилотки, вещмешки и плюс зелёный котелок пехоты (шинели при этом были серыми) — составляли такое тело массы, которое должно было сливаться с зелёными просторами. Это еще не в чистом виде камуфляж и не цвет хаки, который появился раньше в Британской армии, а более символичным стал во второй половине XX века («Шар цвета хаки» Бутусова). Милитари зелёный был важным маркером жизни страны и во время войны, и еще долго-долго после нее.

Значительная часть послевоенного поколения, наверное, еще до 70-х «донашивала» этот военный зелёный цвет. Выцветшие зелёные гимнастерки, плащ-палатки, пилотки и прочая военная утварь еще долго жили в нашем быту. Во многом этот антураж определял и тип/стиль советского мужчины («а я люблю военных, красивых, здоровенных…»). А на военных парадах продолжали идти зелёные танки и машины, и этот зелёный сочетался с советским праздничным красным — так выглядели наши послевоенные праздники практически до конца советской эпохи. (Кстати, это отдельный сюжет — о связи зелёного с красным, см. например британскую символику).

Тотальность казенного зелёного в оформлении общественных пространств позднего социализма объясняется иногда чисто технологической причиной — зелёная краска была наиболее дешевой в производстве. Эту версию называют дизайнеры и технологи (в моем небольшом опросе). Говорят, что сейчас самая дешевая в производстве серая краска и поэтому в оформлении улиц Москвы часто присутствует этот цвет. Вопрос технологии производства красок вообще очень сложный. М. Пастуро в своей книге много говорит об истории этих процессов, отмечая, что зелёный являлся не основным цветом, а дополнительным, получали его через смешение других красок (прежде всего — синего и желтого), долго велся поиск натуральных, а потом и сложных искусственных красителей, известно много историй про ядовитые составляющие зелёного. Легенда о смерти Наполеона на острове Святой Елены, кстати, тоже связана с этим качеством зелёного [Сен-Клер, 2018: 224; Пастуро, 2018: 63].

Почему же зелёный был наиболее дешевым в производстве цветом? Оставлю эту тему для будущих дискуссий и поисков ответа — просто обозначу ее как перспективу в дальнейшем исследовании загадок зелёного.

Помимо зелёного-милитари в советских общественных пространствах заметен такой зелёный, который располагается как бы между большим, открытым социальным пространством (военные парады, цвет зданий и поездов, парки и скверы и пр.) и зелёным в помещениях. Тот зелёный, который я назвала «казенным»[4], тоже имеет дифференциацию. Зелёный как просто фон внутри казенных зданий (больницы, школы, конторы и подъезды в массовом жилфонде) и зеленый в другом типе советских общественных помещений. Я говорю о той пространственной среде, где советский человек может и должен ощутить некую ауру статусного и возвышенного. Это «храмовые» здания советской культуры — театры, Дворцы культуры, библиотеки, музеи (ил. 4—6).

Ил. 4. Открытка «Нижний Тагил. В читальном зале Дворца культуры металлургов». Фото Я. Басина, ГФК, 1965

[4] М. Пастуро вспоминает, что в детстве встречал обозначение «административно-зелёный» [Пастуро, 2019: 256].

Ил. 5, 6. Зелёные лампы Ленинки

Название «Дворцы культуры» говорит само за себя — здесь много пространства, света, парадные лестницы, солидная мебель. И много крупной живой зелени: как правило, в таких помещениях располагаются фикусы, пальмы и пр. Зелёный работает как важный акцент в стилистике ковровых дорожек (они либо зелёного цвета, либо в сочетании красного и зелёного) и в важнейшем символе советского культурного производства — в лампе с зелёным абажуром. Эти зелёные лампы, служившие всем, кто бывал в советских библиотеках, были и остаются символом обращения к высокому. Они включены в работу важного советского культа — культа книги.

В этот же ряд зданий и в той же логике включались университеты и другие учебные заведения. Но, разумеется, в определенной, порой достаточно жесткой иерархии. Университеты и Академия наук — вершина этой иерархии. Уральскому государственному университету им. Горького досталось здание Уральского Совнархоза — наверное, самое пафосное и солидное здание Свердловска той поры. В 60—70-е годы студенты действительно могли ощущать, что приходят в Храм науки (одна входная дверь чего стоит). Но еще большую солидность и значимость могли ощущать руководители и преподаватели вуза. Кабинет ректора и многие кабинеты заведующих кафедрами были оформлены в «Большом стиле» — паркет, дорогая деревянная мебель и панели, ковровые дорожки, картины и большие зеркала. И главный акцент — столы с зелёным сукном. До сих пор зал ученого совета оснащен этими столами.

У М. Пастуро с таким зелёным (особенно с зелёными столами) связана другая линия ассоциаций. Он отсылает к игровым пространствам. Ведь зелёные столы в памяти западного человека — это прежде всего казино и вообще столы для азартных игр (карты, кости, шашки, бильярд и пр.). Такой зелёный выступает символом играющей публики, включая туда, кстати, и игровые пространства стадионов. Он видит символическое родство между спортивной площадкой и игорным сукном.

Восприятие зелёного сукна у советского человека кажется мне все-таки иным. Как-то не очень мы были искушены столами казино и пр. Но тема «судьбы» (еще один коррелят зелёного в западной истории этого цвета) мог по-другому прочитываться в значениях советских зелёных столов — несомненно важных и статусных. Столов, за которыми принимаются решения. Можно ли эту стилистику начальственных кабинетов назвать «бюрократическим зелёным»? Есть такая номинация для зелёного у М. Пастуро[5]. Нам представляется, что такой зелёный, наполнявший статусные советские пространства, работал не только на конкретный образ власти, а нес более широкий символический посыл, создавая ощущение устойчивости, стабильности, непоколебимости системы. «Это было навсегда» — еще и про это.

Такой зелёный активно работает и на создание особого типа уюта. В неприютных советских пространствах должны обязательно быть подобные оазисы. Они располагаются между площадями и недостаточно пока уютным миром советского жилья (коммуналки, общаги, бараки и пр.). Понятно, что приходя в Университет, Дворец культуры, Дворец пионеров, библиотеку, театр, советский человек оказывался в ином пространственном измерении — плоский и бедный мир повседневности отступал; эти пространства давали «высокий купол» для позитивной советской идентичности, сопрягали уровни бытия и быта советского человека.

А что же наполняло пространство частной жизни советского человека? Как было «окрашено» его жильё? Разговоры про старый быт и борьба с мещанством

[5] У М. Пастуро есть заметки о зелёном как «эмблематическом цвете бюрократии». Он описывает серо-зелёный цвет присутственных мест, где человек встречается с бюрократией [Пастуро, 2018: 131].

(бедные фикус и канарейка) шли волнами. Но в 60-х годах, во время хрущевской жилищной революции, когда люди стали получать свое собственное отдельное жилье, тема уюта стала вполне легитимной. Более того, происходит важнейший поворот в эстетике/идеологии жилья. То, что С. Ушакин назвал «эстматом» [Ушакин, 2020: 77]. Тип и наполнение жилья меняются. Появляются воздух и свет. Легкие занавески (с веселыми легкими принтами или прозрачный тюль), изящный журнальный столик на трех ножках, уютный торшер и пр. Меняется, конечно, и цветовая гамма. На смену тяжелым ковровым дорожкам красного/зелёного и тяжелой темной драпировке приходят другие цвета. Мне представляется, что наиболее интересно новые цветовые акценты передает посуда. Обратимся к ней.

Символом стабильности, преемственности в жизни российской семьи, ее фамильной ценностью якобы были чашки кузнецовского фарфора из бабушкиного буфета. Семейные легенды… В действительности фарфор в домашнем обиходе советских людей в послевоенные годы был представлен весьма скромно. Да и откуда ему было взяться? Массы, бесконечно мигрирующие по пространствам страны и почти весь XX век остававшиеся социальными кочевниками (коллективизация и насильственная урбанизация, лагеря и ссылки, война с ее массовыми эвакуациями и оккупированными территориями, великие стройки коммунизма и освоение целины, создание закрытых наукоградов и пр.), — все это не давало возможности сохранить уклады, «укорениться», как-то прочнее врасти в быт. Какие уж тут чашки кузнецовского фарфора.

Ил. 7

В посуде для питья в советской жизни были два главных предмета — граненый стакан и эмалированная кружка. Как правило, зелёная (ил. 7). Темно-зелёная. Именно эти предметы были и дома, и в походе, и на рыбалке, и в мужской жизни гаража. А еще эмалированные чайники, бидоны, кувшины (и даже зелёные горшки, которые использовались во всех яслях и детских садах страны). И почти все это было темно-зелёным. Интересно, что сегодня эти предметы, казавшиеся тогда унылыми уродцами, стали объектом ретролюбования и коллекционирования. Знаменитый, наверное самый большой производитель эмалированной посуды, Лысьвенский завод давно отметил свое столетие и благополучно здравствует. А эмалированная посуда переживает второе рождение и балует своим креативом любителей хипстерских магазинов.

Ил. 8—9

Стремление к новому уюту требовало фарфора: чайный сервиз, ваза, статуэточки очень бы украсили новые свежие квартиры. Но посуды в стране не хватало, опять дефицит. Чтобы преодолеть этот дефицит в 60-е годы все фарфоровые заводы страны работали на полную мощность; быстро строились и запускались новые производства. Так, на Урале, например, в дополнение к Сысерсткому заводу быстро возводятся завод в Богдановиче и Южноуральский фарфоровый завод (см.: [Федосеева, Шеломов, 2013]). Наконец уютный милый фарфор приходит в квартиры советских людей. Все мы, вероятно, помним своих любимцев — чайные и столовые сервизы, вазы, кувшины, пиалы и пр. И вот теперь действительно в каждой советской семье появляется свой фамильный фарфор. Каждый из нас помнит и любит что-то свое — незабываемые белые горохи на красном, кобальтовое покрытие с позолотой, дулевские агашки, удивительные цветочные росписи на темном (в основном Первомайского и Дмитровского заводов), интеллигентные ленинградские мотивы ЛФЗ и вожделенные сервизы ГДР.

Ил. 10

Ил. 11—14

Но мне хочется отметить именно новый зелёный, который приходит в быт с советским фарфором 50—70-х годов. Это кажется действительно новый цвет — такого теплого, нежного зелёного практически не было в социальном дизайне советского мира (ил. 8—14). В каталогах цветов его чаще называют салатовым или его вариациями («зелёная поляна», «зелёная лужайка», весенняя зелень, шартрез зелёный). И это тоже органичное воплощение настроений оттепели с её весенним духом и советской культурой кухонных разговоров.

Зелёный как цвет весны, а значит и как символ обновления, свежести, бодрости, новизны, традиционно разрабатывался в поэзии. Начиная с некрасовского Зелёного Шума («Идет-гудет Зелёный Шум, Зелёный Шум, весенний шум»). Эта зелёная тема получает свою «озвучку» в бодрой советской эстраде, закрепляя образ свежего зелёного ветра и новой весенней энергии. Советские ВИА (вокально-инструментальные ансамбли) 70-х несут образы такого зелёного в массы: «шелестят зелёные ветра» у «Самоцветов», и Лещенко поет про то, что «молодые ветра зелены». И прочие «Любовь, комсомол и весна» работают именно с такими образами советской молодости, дискурсивные механизмы «на ходу». Неудивительно, что в перестроечные метафоры-девизы первым делом и войдут «ветра перемен», аудитория к ним вполне готова.

Интересно, что в постсоветской реальности «зелёные ветра» сохранятся, хорошо впишутся в коммерческие рамки — есть салоны красоты с таким названием, туристические фирмы с экологической направленностью, коттеджные поселки. Так вот случилось, что и я живу в дачном поселке (СНТ), который называется «Зелёный ветер-1». Насколько в этом названии сохраняется и звучит флер советского зелёного? Или здесь работают уже другие «зелёные» значения? Небольшой опрос соседей показал, что для старшего поколения отсылка к советскому здесь есть. А вот молодые люди воспринимает это иначе — они прочитывают «зелёные ветра» скорее в экологической рамке, но порой слышат здесь и что-то… наркотическое. Снова вспоминается история зелёного с её «ядовитыми» страницами.

И одновременно в этих же образах зелёный символизировал молодость (юность) как незрелость, отсутствие опыта и пр. «Молодо-зелено» — именно такая советская формула рисовала нам героев советского кино и литературы. Герой должен был пройти путь от своего «зелёного» состояния к обретению и гражданского статуса, и человеческой зрелости. Сегодня традиционные культурные доминанты развернулись на 180 градусов. Ценность опыта и зрелости отступает под напором ювенильной диктатуры нашего времени, а «молодо-зелено» становится абсолютно самодостаточным и даже более того — определяет практики и стили современной жизни (ил. 15—16).

Ил. 15. Открытка «Свердловск. Академический театр оперы и балета имени А. В. Луначарского. Фото Б. Мусихина, 1980»

Ил. 16. Открытка «Екатеринбург. Оперный театр. Художник В. Горский», 2000-е годы

В период «советского полураспада», в пресловутые 90-е, цветовые маркеры по-прежнему хорошо показывают нам смену ценностных оснований, быструю трансформацию культурных и потребительских практик. Они «упакованы» уже в другие цвета, а язык быстро закрепляет социально-цветовую динамику. «Малиновые пиджаки» и «зелень» — вот новые образы и соответствующие им вербальные формулы. «Зелень» в это время выражает уже не природно-органическую составляющую формулы жизни, а грубо и четко воплощает материальные девизы нового

времени (ставшие приоритетными). «Зелень» на сленге 90-х — это доллары. Они же «бабло», «лавэ», «капуста». Конечно, русский язык пластичен и остроумен. Как хороша эта «капуста»! Огородно-овощная зелёная метафора снова точно выражает вектор активности и опять выводит к определенному типу действия — торопитесь «нарубить капусты».

Завершая разговор о советском зелёном, понимаю, что в этом тексте было невозможно раскрыть все богатство социальной палитры этого цвета. Во многом здесь получилась некая карта-схема, по которой можно двигаться дальше (к милитари, к власти, к экологии, к фарфору, к символике цветов и прочая, прочая) — кому что нравится. Здесь не удалось подойти к одной очень важной советской теме, также имеющей «зелёную» символизацию. Я говорю про феномен советского пьянства, связанный с важным зелёным символом — зелёным змием. При этом такой зелёный, наверное, является единственной однозначно негативной коннотацией данного цвета в советском дискурсе.

Советское зелёное, как мы видим, достаточно разнообразно, нелинейно, имеет определенную эволюцию, выражающую изменение смыслов и их символизации. Более глубокое изучение советского зелёного может стать интересным объектом для разговора о политике цвета и формах символической власти.

Библиографический список

Озеленение советских городов: пособие по проектированию. М.: Госстройиздат, 1954. 187 с.

Пастуро М. Зеленый: история цвета. М.: Новое лит. обозрение, 2018. 168 с.

Пастуро М. Цвета нашей памяти. СПб.: Alexandria, 2019. 336 с.

Сен-Клер К. Тайная жизнь цвета. М.: Бомбора, 2018. 320 с.

Ушакин С. Сервантики застоя: о красоте и пользе советского вещизма // Это было навсегда, 1968—1985: каталог выставки «Ненавсегда». М.: Гос. Третьяковская галерея, 2020. 488 с.

Федосеева О. Б., Шеломов Ю. Ю. Уральский фарфор. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2013. 256 с.

Шабурова О. Советский мир в открытке. М.; Екатеринбург: Кабинет. ученый, 2017.

Ямпольский М. Парк культуры: культура и насилие в Москве сегодня. М.: Новое изд-во, 2018. 198 с.

References

Fedoseeva, O. B., Shelomov, Yu. Yu. (2013) *Ural'skij farfor* [Ural porcelain], Ekaterinburg: Ural'skij rabochiy.

Ozelenenie sovetskikh gorodov. Posobie po proektirovaniyu (1954) [Greening of Soviet cities. Design guide], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture.

Pasturo, M. (2018) *Zelenyj: istoriya tsveta* [Green: a story of color], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Pasturo, M. (2019) *Tsveta nashej pamyati* [Colors of our memory], St. Petersburg: Alexandria.

Sen-Kler, K. (2018) *Tajnaya zhizn' tsveta* [The Secret Life of Color], Moscow: Bombora.

Shaburova, O. (2017) *Sovetskij mir v otkrytke* [Soviet world in a postcard], Moscow, Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj.

Ushakin, S. (2020) Servantiki zastoya: o krasote i pol'ze sovetskogo veshchizma [Servants of stagnation: about the beauty and benefits of Soviet materialism], *Eto bylo navsegda*, 1968—1985, Katalog vystavki «Nenavsegda», Moscow: Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya.

Yampol'skij, M. (2018) *Park kul'tury: kul'tura i nasilie v Moskve segodnya* [Park of Culture: Culture and violence in Moscow today], Moscow: Novoe izdatel'stvo.